

Б. И. Загуменнов

ЛЕКСИКА БУДДИЙСКАЯ И ХРИСТИАНСКАЯ: СПОСОБ РАЗГРАНИЧЕНИЯ (А ТАКЖЕ ВООБЩЕ О ВИДАХ ЛЕКСИКИ В БУДДИЙСКИХ ТЕКСТАХ)

Как известно, буддизм и христианство по крайней мере в своих основах и на первоначальных этапах своей истории формировались независимо друг от друга, а потому между их терминологиями как системами в принципе нет ничего общего.

Но, приступая к переводу буддийских текстов (с английского, тибетского, санскрита), русскоязычный переводчик неизбежно сталкивается с проблемой собственной позиции. Хотя в идеале он должен, «сохраняя нейтралитет», передавать переводимое так, как оно есть «само по себе», без ложных интерпретаций, это оказывается весьма трудным делом, поскольку он пользуется словарным запасом русского языка, языка русской культуры, который включает немало христианских терминов и концептов. Потому переводчик попадает в противоречивую ситуацию: он вынужден передавать специфические реалии буддизма (индуизма, джайнизма и т.д.) на языке, проникнутом концепциями и лексикой православно-русской культуры. Трудность усугубляется и тем, что эти концепции и смыслы не всегда осознаются, как мало осознается все то, чем мы привычно пользуемся. Для их осознания необходима специальная работа (хотя бы на первый случай установление значений слов по толковому словарю).

Есть ли выход из этой ситуации? Исторический опыт и христианства, и буддизма убедительно показывает, что подобный выход находился многократно: и Библия, и буддийские тексты уже тысячи раз (!) и достаточно адекватно (удовлетворительно) переводились на множество языков.

Для преодоления трудностей означенной ситуации удобнее всего разделить христианскую лексику на (1) общую лексику, (2) омонимы и (3) узкоспецифическую. Опишем вкратце эти три вида.

1. Слова, типологически *общие* для буддизма и христианства (или даже вообще для многих религий) и не вызывающие особых проблем при переводе или создании буддийских текстов: *алтарь, поклоны, почитание, усердие, терпение, понимание, смысл, мышление, ум, сознание, мудрость, живое существо* и т.д.

По сути, это слова из *общей* (нейтральной) лексики. Они обозначают качества личности, психологические состояния, познавательные процессы, телесные действия и т.д. Но даже и эти известные слова нередко обозначают в христианстве и буддизме несколько разные вещи. (То, что они конкретно обозначают в буддизме, выясняется при чтении текстов и из практики. Например, поклоны в православии и в буддизме совершаются по-разному.) Но разность здесь не настолько велика, чтобы возникала необходимость применять *разные слова*. Когда разница становится значительной, мы уже имеем дело со словами второго вида.

2. Лексика «двойного назначения»: *душа, грех, благодать, демон* и т.д. Эти слова являются обычно омонимами, т.е. имеют как минимум по два смысла. В первом случае это христианские термины, а во втором — слова обыденного и литературного языка (общая лексика). Так, *душа* в христианстве (и некоторых других религиях) — бессмертная нематериальная сущность, созданная Богом, предмет дискуссий богословов и т.д. А в обычном смысле — это слово, передающее психические состояния («душа ушла в пятки», «души не чаять»), никак прямо не связанные с религией.

Такое разграничение, разделение определенного пласта лексики на (1) христианские термины и (2) общую лексику — первый важный шаг для правильного перевода буддийских терминов. Второй и окончательный — тщательный подбор слова-термина для буддийского переводимого текста. Это может занять немало времени, поскольку каждый «кандидат» в термины потребует анализа смыслов.

Так, *душа* в христианском смысле не может быть термином, обозначающим предмет духовной практики в буддизме, поскольку душа сотворена Богом в определенный момент и т.д., а в буддизме нет бога-творца и нет понятия начала для «потока психических явлений» (*сантана*). Объект-субъект духовной практики в буддизме обозначается терминами *читта, манас* или *виджняна*

(психика, ум, сознание). Однако слово *душа* может употребляться в буддийских текстах в общелексическом, т.е. нетерминологическом, смысле.

Подобным же образом, потребуют некоторого анализа слова *грех, благодать* и т.д.

3. Лексика настолько специфически христианская и экзотическая, что вряд ли кому придет в голову употреблять ее в буддийских текстах (разве что по случайному недоразумению): *анафема, камилавка, тропарь, кондак, стихарь, дьякон, архимандрит* и т.д.

Разумеется, сказанное само по себе («автоматически») не решает всех проблем с буддийской и христианской лексикой. В каждом из трех видов лексики могут возникнуть затруднения с отдельными словами. Тем не менее описанное деление значительно облегчает работу по выбору терминов.

Еще более эта работа облегчается, если мы воспользуемся сводкой (перечнем) основных христианских терминов и лексики. Ее мы находим, например, в книжечке «Давайте говорить правильно! Лексика православной церковной культуры» (М.; СПб., 2006). Словарик содержит сводку и толкование 883 слов и выражений).

4. Но автор или переводчик буддийских текстов имеет дело прежде всего с основными буддийскими терминами: *будда, сансара, нирвана, дхарма, карма, клеши* и т.д. Некоторые из этих терминов уже «вошли в русский язык», т.е. в общую лексику русского языка (появились в толковых словарях), и потому могут оставаться без перевода или имеют вполне адекватного русского «двойника», например: дхарма, или учение. Но многие из этих терминов все еще требуют адекватного перевода, а для этого необходимо уяснение смыслов, обозначаемых терминами. При этом следует избегать возможной христианизации, о которой говорилось выше, а также (еще одна напасть) — *англицизмов*, которые во множестве заимствуются в качестве «ложных друзей переводчика» из англоязычных текстов.

4а. Англицизмы — это не меньшая, а часто и большая проблема для русскоязычного переводчика. Существование целого пласта буддийских терминов обусловлено тем, что переводы делались с английского языка, и даже когда они делаются с тибетского

или санскрита, переводчик ориентируется на английские варианты. Совершенно очевидно, что «мастеров», «тренировок» и т.д. не было бы в русских переводах, если бы переводчик не был знаком с английскими текстами, а переводил бы прямо с тибетского.

46. Искажению буддийских смыслов может служить некорректное употребление терминологии западной философии и психологии, о чем в свое время специально говорил О. Розенберг.

5. Следующая (пятая) группа лексики включает специфически буддийскую лексику: *мандала*, *ваджра*, *вайбхашика*, *Далай-лама*, *йидам*, *мудра* и т.д. Подобно специфически христианской лексике (см. п. 3), эти слова обычно не переводятся, а требуют истолкования.

6. Наконец, переводчику приходится сталкиваться с обозначениями специфических реалий Индии, Тибета и т.д., которые также обычно не переводятся: например, географические названия (топонимы), названия местных растений, животных, минералов; национальной одежды: *дзо* (помесь яка и коровы), *чуба* (тиб. одежда с длинными рукавами), *чанг* (ячменное пиво) и т.д. Правильное употребление названий требует знакомства с соответствующей литературой об Индии и Тибете (в том числе можно воспользоваться глоссариями, которые встречаются в конце многих изданий). При этом необходимо учитывать уже принятые (укоренившиеся) русскоязычные варианты названий. Так, вряд ли вместо «чанг» следует писать «чан», а вместо «Калимпонг» — «Калимпон».

7. Симметричная схема христианской и буддийской лексики

1. Реалии христианского хронотопа: *Гроб Господень*, *крестовые походы*...

2. Специфическая христианская лексика: *камилавка*, *тропарь*....

3. Основная христианская лексика: *душа*, *грех*, *Бог*...

4. Общая лексика, употребляемая равноправно и в христианских, и буддийских текстах: *ум*, *внимание*, *усердие*...

5. Основная буддийская лексика: *сансара*, *нирвана*, *карма*...

6. Специфическая буддийская лексика: *ваджра*, *йидам*...

7. Реалии буддийского хронотопа: *Сарнатх*, *Бодхгая*...

8. Помимо этого основного деления любому переводчику и редактору неизбежно приходится сталкиваться с видами лексики (выделенными по другим основаниям), правильное употребление которой достаточно важно для качества русского перевода.

Это прежде всего архаизмы и неологизмы. В роли архаизмов чаще всего выступают старославянизмы: *врата, глас, благодать, зеркало, десница, уста, брег, ладья, страж, издревле, пастырь* и т.д. Видом архаизмов являются историзмы: *князь, кольчуга, доспехи* и др. Архаизмы используются в основном в качестве средства высокого стиля. Естественно, что слова «вершить», «изречь» и т.п. мы вкладываем в уста Будд и бодхисатв, здесь неуместны слова разговорного стиля или просторечия. И наоборот, из описаний обыденных ситуаций и из речи «сниженных» персонажей необходимо устранять лексику высокого стиля. Недостаточное знакомство со старославянской лексикой приводит порой к занятным ляпам (даже у профессионалов). Так, можно встретить выражения «ты есмь...» или «он есмь...» (в то время как допустимо только «я есмь...»), а также «он (она) суть...» (допустимо: «они суть...»).

Курьезно неправомерное употребление некоторых анахронизмов и неологизмов. Незнание или забвение конкретных реалий ведет к серьезным дефектам и смешным эффектам. Обычно происходит стереотипная вещь: названия малоизвестных древних реалий заменяются названиями реалий более или менее современных. Автор перевода (что психологически вполне естественно) склонен невольно модернизировать прошлое. Так, в одном из переводов канонических сутр мы встречаем Будду, который ночует в «павильоне», наутро приходит на беседу в «холл», а «почтенные шраматы и брахманы» пользуются «шезлонгом», «софой» и «шампуном». Возможны также «шпага» вместо «меча», «шляпа» вместо «шапки», «экипаж» вместо «колесницы» и т.д.

Слово «отключить» возникло, вероятно, не ранее появления электроприборов. Поэтому выражение «отключить сознание» вряд ли уместно вкладывать в уста бодхисатвты первых веков новой эры. Еще более экзотично применение современных техник при изложении психологических тем, например выражение «мониторинг состояний сознания».

Затруднения и изъяны при переводе и редактировании возможны в случае диалектизмов, профессионализмов, сциентизмов (терминов различных наук), номенклатурных слов, жаргонизмов, канцеляризмов, экзотизмов, варваризмов. Так, вряд ли уместно употребление в буддийских текстах слова «особь» для обозначения всех живых существ, в том числе и человека, поскольку это слово будет восприниматься как биологический термин. Точно так же «информация» это не совсем то же, что знание или Знание.

Специфические особенности возникают при переводе с санскрита и тибетского, так что можно говорить, вероятно, о санскритизмах и тибетизмах, а также санскрито-тибетизмах, когда неправомерно соединяются элементы этих двух языков, например «лама Шакьямуни». Последнее характерно для тибетских лам, которые создают переводы на английском языке.

Правильный выбор и применение лексики (что является нелегким делом) помогает избегать того известного явления, которое можно назвать переводческим буддийским жаргоном.

В заключение следует упомянуть о тавтологиях и плеоназмах, которые настойчиво (бессознательно-привычно) внедряются в любые (не только буддийские) тексты, заметно подмачивая репутацию переводчика: *май месяц, период (или момент) времени, цитирую дословно, ответная реакция* и т.д., а также о лексике, неправильно употребляемой из-за неосознания смысла слов: «животные и птицы», «животные и насекомые»...

Все сказанное позволяет устранить в буддийских текстах подавляющее большинство изъянов, связанных с лексикой.

Форма употребления специальной лексики (включая термины) зависит от степени освоения такого рода слов в русском языке. «Если слово обозначает явление окружающей нас действительности, регулярно употребляется, участвует в словообразовании, оно лексически освоено» [Барлас 2003: 186]. Если санскритское или тибетское слово освоено, т.е. «вошло в русский язык», оно уже не требует перевода (*карма, лама* и т.д., в отличие от *йидам* и др.).

В то же время употребление некоторых освоенных терминов, несмотря на их широкую распространенность в общенародном и научном (профессиональном) языке, на поверку может оказать-

ся малообоснованным в контексте буддийских текстов, например популярное слово «демон», краткий анализ смыслов которого помещаю ниже.

P.S. Так где же демоны?

Мы знаем буддийские слова «сансара», «карма» и многие другие, но что же это за слово — «демон», совсем не буддийское, и откуда оно появилось в буддийских переводах? Ясно — напрямую из англоязычных текстов. Но что оно означает? Это один из тех простых вопросов, при которых читатель впадает в недоумение. Он что-то смутное связывает с этим словом, но что именно — сразу ответить не в состоянии.

Но ведь русский текст должен быть абсолютно понятен русскому читателю. Итак, приходим к необходимости выяснить, что такое «демон» в русском, английском и, может быть, в санскрите. Обратимся к разным русским и английским словарям.

«Демон» означает *злой дух, сатана, черт, бес, дьявол; лукавый, нечистый; падший ангел...* И это практически все, что есть в словарях, включая Большой академический толковый словарь русского языка. Есть еще литературный персонаж — «печальный демон, дух изгнания...» (Лермонтов) и даже изображение — «Демон» Врубеля. Многочисленные изображения демонов, т.е. темных ангелов, чертей, мы видим на православных иконах.

То есть совершенно очевидно, что демоны — христианские персонажи со специфическими «биографиями»: первоначально созданы Богом, и, стало быть, имели начало. Так что к буддизму, которому идея Бога, творения и начала чужда, они не имеют ни малейшего отношения.

В английском еще проще: *demon* — это *devil, evil spirit*. В общем, то же, что и в русском.

В древнегреческой мифологии и религии (греч. *даймон*, лат. *гениус*) это добрый или злой дух, оказывающий влияние на жизнь и судьбы людей, народов, сверхъестественное существо в иерархии между богами и людьми. Но это древнее понимание, конечно, давно забыто и требует истолкования. И логично ли обращаться к греческой древности (вернее, подразумевать эту древность), когда создаются буддийские тексты (переводы и исследования) на

английском или русском языках? Во-первых, наши современники (переводчики и авторы) к этой древности обычно и не обращаются, а просто механически заимствуют «демонов» у предшественников. А во-вторых, когда углубляются в этимологию и семантику этого «термина», то прежде всего упираются не в Древнюю Грецию, а в христианство, а еще раньше — в те значения этого слова, которые вошли в русский язык, т.е. уже в общую, нетерминологическую лексику. Но тут мы просто возвращаемся к тому о чем уже говорили.

Короче, к буддизму это тоже не имеет отношения.

Итак, ни русский, ни английский, ни древнегреческий варианты совершенно не подходят для буддийских текстов. Употребление слова «демон» — это замена темного неясным.

Продолжая словарные поиски, можно, правда, встретить еще и такое определение: «термин для обозначения духов, обычно злых, в других (не древнегреческой) религиях». Но, как уже сказано выше, этот термин не может быть общим для монотеистических (иудаизм, христианство, ислам) и нетеистических религий, а беря более узко, — для христианства и буддизма. Подлинная терминология представляет собой систему, в ней термины органично связаны друг с другом. Терминологические системы христианства и буддизма формировались независимо друг от друга, причем в течение столетий и даже тысячелетий, и потому приобрели большое своеобразие. Сходство еще не означает тождества, помимо сходства существуют и различия. И простое перенесение терминов из одной системы в другую — действие нелогичное и «незаконное». Правда, как известно, некоторым людям «закон не писан». Но тем, кто так амбициозно и безапелляционно настаивает на единственности, бесспорности и исключительности своего варианта термина, следует все-таки вспомнить о том, что существуют такие науки, как возникшие недавно переводоведение и терминоведение. И довольно несуразно спорить о терминах, не овладев хотя бы самыми элементарными основами данных наук.

Бурное развитие буддизма и буддологии в России началось всего лет 20 назад. Ясно, что за такое исторически короткое время ни о какой устоявшейся терминологии речи быть не может, пусть

даже ею занимались бы буддисты и буддологи семи пядей во лбу. И ее действительно нет — ведь нет пока никакого сводного терминологического словаря буддийской специальной лексики на русском языке.

В буддийской сансаре существуют боги (*дева*), *асуры* («завистливые боги»), *преты* (голодные духи), адские существа, Яма (бог смерти), Мара — злой дух-искуситель и *мары* (злые духи, например мара клещ, т.е. фактически олицетворение психологических явлений). Конечно, присутствуют индуистские персонажи, например *гандхарвы*, *якши* и другие с собственными именами. Так что непонятно, кого именно в буддизме можно или нужно называть демонами. (Асуры в буддизме не демоны, а вид богов, что видно и из того, что их часто на изображении «колеса сансары» объединяют с богами (*дева*) в границах одного мира — мира богов.) В любом случае можно применить выражения «злой дух» или «нечисть» (может быть, даже «нелюдь», несколько изменив смысл этого слова) — понятия, весьма широкие и несущие минимальную «христианскую нагрузку», поскольку они входят в общую лексику.

Еще факты. (1) Буддисты, десятки лет занимавшиеся буддийской иконографией, демонов в буддизме не обнаружили. (2) Примечательно, что лучший перевод самого известного буддийского текста — Дхаммапады, выполненный В. Топоровым (М., 1960), вообще не включает слова «демон», как и некоторые другие буддийские переводы. (3) Точно так же трудно найти демонов и в «Бхагавадгите» (перевод В. Семенцова).

Таким образом, «демон» — это или христианский персонаж, или слово с размытыми значениями, с неопределенными денотатами, и потому оно не может играть роль термина или чего-то подобного. Лучше его избегать в переводах, дабы не вносить дополнительной неопределенности в восточные религиозно-философские тексты, которые и без того обычно достаточно сложны.

Библиография

Барлас Л.Г. (и др.). Русский язык. Введение в науку о языке. М., 2003.